

Подумав об этом, Гу Цзюэ встревожился: — Это всё ради меня? Неужели мой брат согласился на твои условия?

Увидев его нетерпение, Сяо Чунь остался всё таким же невозмутимым: — Почему мы не могли познакомиться? Чтобы избежать лишних глаз, он отделился от посольства и прибыл в столицу заранее — как раз затем, чтобы разузнать, каково тебе на самом деле приходится во дворце. После этого он и столкнулся с моими людьми, так что я, естественно, всё узнал.

В груди у Гу Цзюэ словно застрял ком. Сжма зубы, он уставился на Сяо Чуня, и в его взгляде застыл ледяной блеск клинков: — Значит, ты выложил ему всё о моей жизни во дворце?

Сяо Чунь ответил: — Он сам спросил. Почему же я не должен был ему ответить?

— Ты! — Гу Цзюэ сжал кулаки. Ему безумно хотелось врезать Сяо Чуню, но в этот момент кулаки уже ничем не могли помочь. — Он отдал тебе эту нефритовую подвеску, вы наверняка о чём-то говорили с глазу на глаз! Какое послание он велел передать? Что вы затеяли? Выкладывай!

Сяо Чунь по-прежнему никуда не спешил. Сложив руки на груди, он наблюдал за метаниями Гу Цзюэ: — А я-то думал, что за этот месяц вы с моим двоюродным братцем так сроднились, что водой не разольёшь, окружили друг друга такой нежностью и заботой, что тебе уже и возвращаться в Синин не хочется. Судя по всему, его постельное мастерство оказалось не так уж велико? Целый месяц прошёл, а он до сих пор тебя не укротил?

Гу Цзюэ не желал слушать его насмешки: — Не твоего ума дело.

Сяо Чунь пренебрежительно усмехнулся: — Неужто тебе не хочется узнать, какое послание брат передал для тебя?

Как же эта ситуация напоминала их первую встречу! Тогда, когда он хотел сбежать из дворца, Сяо Чунь заявил, что может помочь, но потребовал, чтобы тот умолял его. Теперь же, когда в руках Сяо Чуня была нефритовая подвеска Гу Мина и весточка от него, Гу Цзюэ снова зависел от его милости. Перед этим человеком Гу Цзюэ чувствовал себя ничуть не свободнее, чем перед Сяо Юем.

Гу Цзюэ глубоко вдохнул: — Умоляю тебя, расскажи.

Сяо Чунь рассмеялся и подался ближе: — Молодой господин Гу, разве твой двоюродный братец не учил тебя, как нужно о чём-то умолять? Разве обычно ты не становишься на колени, вымаливая его милости?

Сердце Гу Цзюэ сжалось. Перед Сяо Юем он вставал на колени едва ли не каждый день, и, казалось бы, у него давно не осталось никакой фальшивой гордости. Но перед таким

человеком, как Сяо Чунь, он крепко сжал зубы и не опустился на колени: — Я лишь боюсь, что сто мне упасть на колени и запросить пощады, как у наследного княжича появятся новые капризы. Лучше давай сразу проясним, чего именно ты добиваешься!

Он с самого начала не мог раскусить Сяо Чуня. Хотя Гу Цзюэ и не считал себя большим умом, всё же он не был настолько глуп, чтобы так слепо заблуждаться в людях. Сяо Чунь с первой же встречи поражал воображение: Гу Цзюэ вовсе не удивился, когда тот предложил вытащить его из дворца ради спасения его здоровья, но его потрясло, что Сяо Чунь собирался отравить ребёнка в чреве наложницы Ли. Позже этот человек при Сяо Юе открыто потребовал отдать его ему, а теперь ещё и оказался замешан в делах с Гу Мином.

Гу Цзюэ не понимал, какие тайные узы связывают их всех, но одно он уяснил чётко: — Хоть я тебе и не доверяю, но наследному княжичу нет нужды меня испытывать. В моём сердце нет ничего важнее старшего брата.

В глазах Сяо Чуня мелькнул огонёк интереса: — Как занимательно. Гу Цзюэ, ты ведь не глуп, так почему же перед моим кузеном ты ведешь себя столь беспомощно? Неужели потому, что в глубине души он тебе небезразличен, и рядом с ним ты бессознательно унижаешься? Подумать только, ты всё ещё не порвал с ним до конца, всё ещё не можешь его отпустить! Я даже начинаю восхищаться тобой: ты ведь узнал правду о том, зачем он зазвал тебя во дворец, и всё равно не возненавидел его?

Сердце Гу Цзюэ дрогнуло: — С чего это тебе вдруг стало известно?! — Он замолчал на мгновение, а затем широко раскрыл глаза: — Ты подослал людей шпионить за Сяо Юем?!

О тех событиях в прошлом не мог знать никто, кроме нескольких присутствовавших тогда евнухов. Но судя по тому, как уверенно Сяо Чунь рассуждал об этом сейчас, он был в курсе с самого начала. Мало того, что он планировал отравить наложницу Ли, так он ещё и в окружение Сяо Юя заслал соглядатая?

Гу Цзюэ понимал Сяо Чуня всё меньше и меньше. Чего ради тот творил всё это? Он — наследный княжич в поместье Князя Аньнина, зачем ему совать руки во внутренние покои императорского дворца? Будь Сяо Чунь сейчас настоящим удельным князем, а не простым наследным княжичем, Гу Цзюэ почти заподозрил бы, что за этим кроется тайный умысел похитить трон. Но с высоким положением Сяо Чуня и молодостью самого Сяо Юя у того попросту не должно было возникать подобных мыслей. К тому же за этот последний месяц Гу Цзюэ провёл в Зале Цяньюань столько времени, что так или иначе кое-что узнал о государственных делах.

Если бы Сяо Чунь действительно замышлял нечто подобное, у него непременно должны были быть свои рычаги влияния или влиятельные знакомства при дворе — по крайней мере, он должен был занимать какой-нибудь государственный пост. Но этот Сяо Чунь, за исключением того, что пользовался благосклонностью вдовствующей императрицы и то и дело расхаживал по дворцу, не имел за душой абсолютно никакой опоры. Он вёл праздную жизнь и не утруждал себя никакими обязанностями при дворе. Сяо Юй, проявляя уважение к вдовствующей императрице, тоже не слишком-то донимал его нравоучениями. Он был поистине беззаботным

знатным богачом... но был ли этот богач таким лишь на поверхности?

Нефритовая подвеска

Сяо Чунь, разумеется, не стал отвечать на этот вопрос Гу Цзюэ. Он приподнял брови: — Ну и что с того, что я подослал к нему людей? А что, если и не подсылал? Какое тебе до этого дело? Или ты побежишь докладывать Сяо Юю? — Помолчав, он добавил с лёгкой издевкой в голосе: — После того как он так жестоко унизил тебя, ты всё ещё намерен печься о его благополучии? Если это и впрямь так, то глубокие чувства молодого господина Гу поистине вызывают у меня трепет.

Гу Цзюэ поджал губы: — Я не стану ему ничего рассказывать, а от тебя требуется лишь одно — передай, что именно велел передать мой брат.

В голосе Сяо Чуня слышались новые нотки: — Молодой господин Гу, до чего же ты странный. Почему в тебе всё ещё жива враждебность ко мне? Сейчас мы с твоим братцем — в одной лодке, разве ты не должен выказать мне хоть каплю доверия?

Если бы тот не спрашивал, Гу Цзюэ бы и не ответил, но раз прозвучал вопрос, он холодно бросил: — Будь ты и впрямь достоин доверия, ты бы не позволил тому слуге выводить меня из Зала Цяньюань тайком. Пусть я и понятия не имею, сколько у тебя людей во дворце и как далеко простираются твои щупальца, но раз уж ты решился в открытую увести меня оттуда, протащить записочку для тебя не составило бы труда.

Гу Цзюэ посмотрел на Сяо Чуня: — Но ты предпочёл путь, который мог подвергнуть моего брата смертельной опасности. Сяо Чунь, я не верю, что ты искренне хочешь мне помочь. Но раз нефритовая подвеска у тебя, я умоляю: скажи, какое послание передал мне брат?

Гу Цзюэ говорил предельно искренне. Унижайся он жалко или веди себя надменно — это лишь вызвало бы презрение. Но он не унижался, и тон его был лишён показной спеси.

В нём не было ни раболепия, ни высокомерия.

Сяо Чунь на редкость долго хранил молчание. Внимательно разглядывая Гу Цзюэ с минуту, он наконец промолвил: — Сяо Юй и впрямь ослеп. Твой нрав по природе своей так притягателен, а он своими руками вылепил из тебя послушного раба. И всё же у тебя есть стержень: пускай перед ним ты держишься точь-в-точь как слуга, в самой глубине души в тебе по-прежнему жив благородный дух знатного семейства. Ты прав: я и впрямь проверял тебя, мне хотелось увидеть, до какой степени пал в унижении молодой господин Гу. Но теперь я вижу — ты всё-таки стоишь того, чтобы тебя спасти.

В голосе Сяо Чуня проскользнули непривычно лёгкие нотки. Он произнёс: — Твой брат просил передать, чтобы ты берёг себя во дворце, не горячился, дорожил своей жизнью и ждал, пока он вытащит тебя отсюда.

Из уст Сяо Чуня эти слова прозвучали с присущей ему беспечной небрежностью, но Гу Цзюэ живо представил себе выражение лица Гу Мина, когда тот произносил их.

Он опустил голову и крепко сжал в пальцах ту самую нефритовую подвеску. Гу Мин всегда без памяти любил его. Если отец отличался суровостью, то старший брат с малых лет баловал его изо всех сил, поскольку он был самым младшим в семье. Когда он наотрез решил последовать за Сяо Юем в Тяньци, все домашние так или иначе отговаривали его, а отец даже запер дома и морил голодом — и лишь старший брат тайком проносил ему еду.

Он не пытался его отговорить, а просто часами беседовал с ним о том, почему он так одержим Сяо Юем. Сколько дней Гу Цзюэ провёл под замком, столько дней они и проговорили. В день, когда его выпустили, поговаривали, что это старший брат простоял на коленях перед отцом несколько часов подряд, вымаливая прощения для него.

Только вот позже старший брат при всех объявил о разрыве отношений с ним. Тогда, ослеплённый душевной болью, Гу Цзюэ не размышлял об этом глубоко, но теперь, оглядываясь назад, он понимал: скорее всего, это было условие, поставленное отцом, когда он пришёл умолять о пощаде.

Перед Сяо Юем Гу Цзюэ уже давно разучился плакать, но от слов Сяо Чуня глаза его защипало. Он прижал подвеску к груди и, снова подняв взгляд на Сяо Чуня, глубоко вздохнул: — Я не знаю, что ты задумал, но я могу умереть во дворце, а вот мой брат из-за меня пострадать не должен. Передай ему, пожалуйста, что мы с ним порвали навсегда, что я предан Сяо Юю всей душой и даже умру рядом с ним, но из дворца ни за что не уйду.

Сяо Чунь хмыкнул: — А я-то думал, ты жаждешь уйти.

Гу Цзюэ ответил: — Я очень хочу уйти. Но ещё больше, чем побега, я страшусь за его безопасность. Сейчас он посол, и я не хочу, чтобы он по моей вине угодил в беду. Из этого Зала Цяньюань я выйду и сам приму все удары, но не причиню вреда ни ему, ни тебе.

Сказав это, он отвесил Сяо Чуню глубокий поклон — по всем правилам сининского этикета. — Наследный княжич, — выпрямившись, произнёс Гу Цзюэ, — мне нечем отплатить тебе, кроме этого земного поклона. Надеюсь, ты поможешь мне на сей раз.

Гу Цзюэ криво усмехнулся: — Кто сказал, что тебе нечем отплатить? Когда я впервые увидел твоё тело, оно показалось мне весьма желанным, а теперь ты кажешься мне ещё более интересным. Как насчет того, чтобы отдать мне своё тело?

Однако на этот раз на сердце у Гу Цзюэ было совершенно спокойно. Его больше не бросало в дрожь от этих слов, как во время их первой встречи.

Если в самый первый раз, когда Сяо Чунь заговорил о его теле ради помощи с побегом, он ещё верил ему, то после того, как Сяо Чунь неожиданно сунул ему в руки снадобье для прерывания

беременности... Подобные перепады настроения натолкнули Гу Цзюэ на мысль, что Сяо Чуню вовсе не нужно его тело — ему просто доставляло удовольствие созерцать его замешательство, либо же это условие служило лишь предлогом для достижения каких-то иных целей.

Сяо Чунь шагнул ещё ближе.

Он был примерно того же роста, что и Сяо Юй, да и телосложением походил на него. Гу Цзюэ же рядом с Сяо Юем казался едва ли не на полголовы ниже, а потому сейчас ему оставалось лишь запрокидывать голову. Когда Сяо Чунь приблизился, исходившее от него давящее чувство ничуть не уступало тому, что излучал Сяо Юй. Гу Цзюэ хотел отступить назад, но Сяо Чунь явно не собирался давать ему такую возможность: стоило ногам Гу Цзюэ сделать движение, как Сяо Чунь выбросил длинную руку, обхватил его за талию и внезапно изумлённо протянул: — Молодой господин Гу, да ты, кажется, поправился.

— ... — Гу Цзюэ чувствовал, как чужая рука шарит по его пояснице. Он-то думал, что за последнее время привык к ласкам Сяо Юя, но стоило другому человеку прикоснуться к нему, как по коже вновь побежали мурашки.

В голосе Сяо Чуня звучало веселье: — И это к лучшему. Обнимать тебя теперь должно быть куда приятнее, чем раньше.

Гу Цзюэ сжал губы и холодно бросил: — Наследному княжичу не стоит шутить подобным образом.

Но Сяо Чунь лишь перехватил руку Гу Цзюэ, который уже приготовился дать отпор: — Я вовсе не шучу. Разве мой кузен никогда вот так с тобой не заигрывал?

Гу Цзюэ замер. В памяти сам собой всплыл недавний момент из Зала Цяньюань, когда Сяо Юй неожиданно бросил: «Ты немного поправился». Разве это было заигрыванием?

Сяо Чунь изначально бросил эту фразу невзначай, но по тому, как оцепенел Гу Цзюэ, стало предельно ясно: Сяо Юй и впрямь вот так вот подшучивал над ним. Рука Сяо Чуня, державшая запястье Гу Цзюэ, резко сжалась.

— Ай! — Гу Цзюэ невольно вскрикнул от боли, а в следующее мгновение Сяо Чунь отпустил его, и он, оступившись, рухнул на землю.

В одно мгновение он оказался в столь жалком положении. Не успел он подняться, как Сяо Чунь уже присел перед ним на корточки: — Молодой господин Гу, одними пустыми словами твоего брата не убедишь. Он вручил тебе нефритовую подвеску как знак доверия, так что и ты должен оставить мне залог, чтобы он знал: я не лгу. Сам посуди, разве не так?

Гу Цзюэ замер. Большинство личных вещей, которые он носил с собой, он ранее отдал тем

евнухам, что вымаливали прах Хуашэна, но кое-что у него всё же осталось. В Сининских семьях знатного происхождения родители до смерти боялись, что малыши вырастут хлипкими, а потому прокалывали им мочки ушей с младенчества, вставляя золотые или нефритовые подвески, которые носили вплоть до самой женитьбы.

У Гу Цзюэ была именно такая серьга.

Колокол, разбитый вдребезги

Гу Цзюэ пережил сильнейшее потрясение. Он с недоверием уставился на Сяо Чуня: — Что ты сказал?

Сяо Чунь невозмутимо ответил: — Полагаю, я выразился предельно ясно.

Говоря это, он подался вперёд. Гу Цзюэ почувствовал смертельную опасность: этого человека он постичь был не в силах.

Он с самого начала не мог раскусить Сяо Чуня. Хотя Гу Цзюэ и не считал себя большим умом, всё же он не был настолько глуп, чтобы так слепо заблуждаться в людях. Сяо Чунь с первой же встречи поражал воображение: Гу Цзюэ вовсе не удивился, когда тот предложил вытащить его из дворца ради спасения его здоровья, но его потрясло, что Сяо Чунь собирался отравить ребёнка в чреве наложницы Ли. Позже этот человек при Сяо Юе открыто потребовал отдать его ему, а теперь ещё и оказался замешан в делах с Гу Мином, не говоря уже о том, что он вновь затянул старую песню: требовал его тело в обмен на побег.

— Неужели молодой господин Гу и поныне намерен хранить верность моему кузену?

Хранить верность?

Гу Цзюэ машинально выронил: — Я больше не люблю его!

В голосе Сяо Чуня проскользнула нотка игривого интереса: — Поближе к истине? — Он казался невероятно довольным и даже захлопал в ладоши: — Если это действительно так, то твоя решительность нравится мне ещё больше. Мне не нужна вечной любви, я жажду лишь мгновенного упоения. Молодой господин Гу, обменять миг страсти на свободу — сделка вполне выгодная.

— ... — Гу Цзюэ умолк. В первый раз, когда Сяо Чунь озвучил это требование, он предельно ясно и чётко дал тому понять, что уже почти при смерти и потому не желает перед концом идти против собственной воли.

Теперь же, когда Сяо Чунь повторил это предложение во второй раз... Что ж, сделка действительно была не в убыток. Ещё тогда, когда Сяо Юй велел тем стражникам

Императорской гвардии сделать с ним то страшное, он уже поставил крест на всём подобном. Ну а раз Сяо Чуню требовался всего лишь миг утех...

На мгновение Гу Цзюэ словно потерял рассудок. Но в этот самый миг его слух уловил лязг доспехов — приближалась стража.

На лице Сяо Чуня мелькнуло неудовольствие: — А преследователи и не думали задерживаться.

Сяо Юй послал людей схватить его!

Сердце Гу Цзюэ пропустило удар. Посмотрев на Сяо Чуня, он услышал: — Решишься — положи записку под западным окном Зала Цяньюань, мои люди её заберут.

С этими словами тот резко развернулся и мгновенно растворился в тени искусственных скал. А спустя лишь мгновение стражники взяли Гу Цзюэ в плотное кольцо.

Побег Гу Цзюэ из Зала Цяньюань продлился совсем недолго, и вот уже острие вражеских копий смотрело прямо на него. Он поднял голову к небу: погода выдалась скверная, пасмурная, вдали клубились тучи, предвещающая бурю.

Под конвоем Гу Цзюэ привели в Зал Цяньюань и с силой опустили на колени. С усилием приподняв голову, он увидел темнеющую над ним громадную фигуру, взиравшую на него свысока.

Конвоиры мгновенно отступили, но Гу Цзюэ так и распростёрся на полу, на какое-то время даже забыв, что нужно подняться.

Он думал, что больше не боится Сяо Юя — особенно после того, как за этот месяц наслушался от него ядовитых насмешек. Но в этот момент, хотя, пускаясь в бегство, он уже принял окончательное решение, стоило ему предстать перед императором лицом к лицу, как кончики его пальцев затрепетали от страха.

Сяо Юй стоял перед ним в тёмно-синем драконьем халате, с волосами, собранными под золотой венец. Лицо его было бесстрастным, а взгляд — словно бы источал леденящий холод.

В глазах Сяо Юя клубилось густое, удушливое буйство жестокости, а на губах застыла жуткая полуулыбка: — Я откармливал эту собаку целый месяц, и она вроде бы стала послушной. Я уж было подумал, что приручил её, а оказалось — она не приручилась, а просто притворялась.

Гу Цзюэ наконец вспомнил, что ему следует не распластываться на полу, а стоять на коленях, и попытался подняться.

Сяо Юй с издевательской усмешкой шагнул к нему и со всего маху наступил сапогом ему на плечо.

— Ах! — Гу Цзюэ вскрикнул от боли, до крови закусил губы и, сдерживая рвущийся наружу кашель, поспешно вымолвил: — Раб виновен, прошу Ваше Величество наказать меня.

— Виновен? — Сяо Юй холодно усмехнулся, убрал ногу, но тут же вцепился в воротник одежды Гу Цзюэ и резко рывком поднял его на ноги, впившись взглядом в его глаза: — Это было преступление с умыслом.

Сердце Гу Цзюэ ёкнуло.

А затем он услышал размеренный голос Сяо Юя: — Ты ведь знал, что стоит мне узнать о твоём побеге из Зала Цяньюань, как я тут же вернусь, чтобы проучить тебя. Гу Цзюэ, до чего же ты любишь строить из себя великого мученика! Пожертвовать собой ради мнимого спокойствия старшего брата? Но ты, похоже, забыл: прах того слуги, о котором ты так печёшься, всё ещё в моих руках. Строя из себя благодетеля, ты в душе уже заранее смирился с тем, что прах этого слуги тоже будет выброшен, верно?

Гу Цзюэ словно молнией поразило: — Нет... Это всё моя вина, Ваше Величество, наказывайте меня! Делайте со мной всё, что угодно!

Сяо Юй прищурился, и голос его стал леденящим до предела: — Гу Цзюэ, брось свои уловки. Когда ты бежал, ты не мог не думать об этом исходе. Ты же вечно помнил, что он погиб из-за тебя? Так запомни же с сегодняшнего дня: его прах развеют по ветру тоже из-за тебя, и тогда его душа рассеется навеки, лишившись возможности переродиться.

Гу Цзюэ затрясущимися руками взмолился: — Не надо... Умоляю Ваше Величество о милосердии...

В его глазах плескалась мольба, а бледность лица уже не была такой мертвенно-тоскливой — в ней проступало нечто вроде здоровой белизны. Похудевшее тело вновь обрело толику жизненной силы, и каждое его движение, по сравнению с прежними временами, несло в себе чуть меньше трагизма и чуть больше жалости.

Сяо Юй смотрел на пальцы Гу Цзюэ, вцепившиеся в полу его одежды. Тонкие, белые пальцы, на которых проступали вены на тыльной стороне ладони. За этот месяц он хватал эти руки бесчисленное количество раз и позволял им бесчисленное количество раз обслуживать ему.

Весь этот месяц дворец наполнился слухами о том, что император завёл себе затворника-фаворита и держит его в Зале Цяньюань, осыпая ласками.

И неужели после того, как за целый месяц Сяо Юй ни разу не заглянул в гарем, уделяя

внимание лишь ему одному, этот мальчишка сбежал, стоило ему услышать лишь обрывки каких-то сплетен?

С мрачным лицом Сяо Юй резко дёргнул за полу халата, отбросив прочь чужие руки, и чеканя каждое слово, произнес: — Мне опротивело твоё кривляние, Гу Цзюэ. Ты вызываешь у меня тошноту.

В голове у Гу Цзюэ воцарилась абсолютная пустота, но тут он расслышал зов Сяо Юя: — Ван Хай.

В тот же миг перед ними возник Ван Хай.

Гу Цзюэ во все глаза уставился на Ван Хая, словно перед ним стоял какой-то чудовищный кошмар: евнух бережно держал в руках небольшой сосуд — ту самую урну, в которой хранился прах Хуашэна. Дрожащими губами Гу Цзюэ машинально забормотал: — Не надо... Не надо...

Он протянул руки к Ван Хаю: — Не надо.

Ледяной взгляд Сяо Юя скользнул по ним, и пальцы Ван Хая разжались.

В ту секунду время для Гу Цзюэ замедлилось до предела. Он воочию наблюдал, как летит вниз сосуд из рук Ван Хая. Он рванулся вперёд, отчаянно пытаясь поймать его — не хватило какого-то мгновения, его кончики пальцев почти коснулись урны, как вдруг раздался оглушительный звон.

Прах разлетелся во все стороны, осыпав землю. Кувшин разбился вдребезги.

— А-а-а! — истошно завопил Гу Цзюэ и рухнул прямо на эти осколки. Его ладони мгновенно порезало, брызнула кровь, но ему было уже наплевать на боль. Он судорожно сгребал руками рассыпанный по земле прах, пытаясь собрать осколки воедино. Но всё было тщетно: разве можно было голыми руками склеить разбитый сосуд?

Его собственная кровь смешалась с прахом на земле, смешиваясь с горячими слезами, катившимися из глаз: — Хуашэн! Хуашэн!

Поведение Гу Цзюэ казалось предельно фальшивым

Пронзительный крик Гу Цзюэ разорвал тишину. Сквозь затуманенные слезами глаза он с трудом различал прах на земле, продолжая безуспешно сгребать его в жалком отчаянии. Однако долго оставаться в таком положении ему не позволили: чья-то сильная рука грубо схватила его за локоть и резко рывком подняла на ноги.

Разве мог Гу Цзюэ в своём нынешнем состоянии сопротивляться силе Сяо Юя?

— Я виновен... Я во всём виновен... — захлёбываясь слезами, шептал он, а в голове стоял живой образ Хуашэна.

Он-то наивно полагал, что сможет в одиночку противостоять гневу Сяо Юя, даже не подозревая, что лучшим наказанием для него станет удар по тем, кто ему дорог.

— Разумеется, ты виновен.

<http://bllate.org/book/21167/2144651>